

ВЫХОД ВНИЗ

f fast
ood

Шамаш
Брамин

18+

ШаМаШ БраМиН
Выход Вниз. Fast food

«ЛитРес: Самиздат»

2020

БраМиН Ш.

Выход Вниз. Fast food / Ш. БраМиН — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Собирая творческий материал, молодой блогер попадает в компанию бомжей. Здесь, на самом дне, становится ясно: все живое, и мертвое, обретает настоящие краски исключительно в крайностях. Fast Food – первый рассказ из серии. Первый штрих в багровых тонах, трассирующий сумасшедшему обществу алиби безумства обычного каннибализма. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!!!
Рассказ содержит шокирующие сцены.

Из огненного жерла масляной бочки отдавало благодатным теплом. Горели крашенные доски, бывшие когда-то мебелью, истрепанные покрывки и прочий подножный хлам. Едкий запах дыма перемешался с острым смрадом давно немых тел. Синерылая братья устроилась кружком, вокруг раскалившийся докрасна «толстухи».

– Кхе, кхе, – глухо прокашлялся невысокий, сухой старикан. – Ну, раз Пакля шлёпнул, пусть сидит.

– Пакля знатный литер, – одобрительный отозвался голос с противоположенной стороны импровизированного круга.

Говорившего Виру не разглядел. Его заслоняла бочка с вырывающимся наружу пламенем.

Воровской жаргон, не насторожил молодого человека. Он знал, среди бомжей достаточно уголовников. Об этом предупреждали и полицейские, и друзья, и некоторые читатели его блога. Принадлежность к обществу изгоев, бродяжнический образ жизни в цивилизованном комьюнити, сами по себе считаются преступлением. Хотя Виру уверен, это не так. Собственно поэтому он и решил написать несколько очерков о людях упавших на самое дно. Тем самым, развеять предрассудки и внести свою лепту в неравную борьбу с социальным расизмом.

Реплику из пустоты он воспринял, как разрешение остаться. Усаживаясь на котельцы, сложенные стопкой, молодой человек усмехнулся. «Значит, полицейского комиссара они называют Паклей. Интересно, Владимир Иванович знает свое прозвище?» В памяти всплыло имя на табличке дверей начальника: Баклеев В.И.

Молчание затянулось. Чуханы заморожено созерцали языки пламени. Про гостя, казалось, уже забыли. Молодой человек осмотрелся. Заброшенный склад в промзоне не очень уютная обитель. Перекосившиеся котельцовые стены, сбитая штукатурка, бездушные глазницы пустых оконных проемов. Редкие стропила поддерживали остатки шиферной крыши. Выше, там, где должно находиться звездное летнее небо, над зданием нависала уходящая в пустоту огромная труба ТЭЦ.

– Это, – неуверенно начал Ошка, – Пакля сказал, чтобы говорили с ним. На вопросы ... чтобы.

Когда этот грязный мужчина в лохмотьях, говорил, создавалось впечатление, что он подключен к динамо машине. Начиная бодро, но на третьем слове энергия заканчивалась. Ошка постепенно переходил на хриплый шепот. Звуки растягивались, а слоги обрывались. Вдруг, невидимая машина заряжала батарейку, и он лихо возобновлял свой спич, чтобы опять «сдохнуть» на третьем слове.

В дежурную часть полиции Ошку привели по приказу Владимира Ивановича. До этого Виру деликатно пощеголял своими рекомендациями и рассказал полковнику Баклееву о «журналистском исследовании» низов общества. Начальник, особо не вникая в подробности, снял трубку:

– Дежурный!? В обезьяннике есть бомжи? ... Нет!? ... Пошли кого-то пусть приведут ... Да все равно, чтобы бомжом был ... Без разницы ... Выполнять.

Уже через двадцать минут, махая перед носом перепуганного Ошки резиновой дубинкой, дежурный офицер внушал бродяге преувеличенную важность миссии, ответственность за жизнь и здоровье гениального писателя, и родственника зам. министра. Виру не останавливал полицейского, хотя три четверти из сказанного было не просто преувеличением, а откровенной ложью. Гением он не был, как и родственником «больших начальников».

Тем не менее, сидя у костра в заброшенном складе, наблюдая за суетливыми попытками Ошки «прописать» гостя в «честной» компании, Виру мысленно поблагодарил офицера за «пристрастный ликбез».

– Дядька с блатом, – продолжал Ошка, размахивая рукой, – сказали надо, значит ... это. Надо.

Блоггер пробежал глазами по лицам присутствующих. Явно, интерес к теме отсутствовал. Казалось, каждое слово Ошки прогоняет их от этой реальности все дальше и дальше. Виру решил их вернуть.

– Водку будете? – громко спросил молодой человек.

Отщепенцы оживились. В заброшенном складе послышалось одобрительное кряхтение и возня. Люди, Виру не мог в полумраке разобрать кто из них мужчины, кто женщины, бубнили что-то неразборчивое и ерзали на своих импровизированных сидениях. «Их не больше десяти, – быстро подсчитал молодой человек, – значит, двух пока хватит».

Он достал из рюкзака бутылку водки и протянул ее сухому старикану. «Дед, – решил Виру, – здесь за старшего» И расчет оказался верным. Главный, причесав ладонью бороду, открыл бутылку, и запрокинул содержимое в себя. Сделал он это годами отточенными движениями, по привычке оттопырив мизинчик руки, в которой держал алкоголь.

– Тебя как зовут? – старик оторвал бутылку от губ и прикрыл рот тыльной стороной ладони.

Из-за крепости выпитого и отсутствия зубов, вопрос прозвучал примерно как: «Тья ка звут?» Гость, выдерживая необходимую паузу, погрузил руки в карманы батника. Вечер был холодным.

– Виру. Я веду блог в интернете ... – начал он, но его перебили.

– Виру? Погремуха? Сидел? – спросил шепелявый голос с другой стороны импровизированного круга.

– Нет, – ответил он, пытаясь разглядеть собеседника. – Папа с мамой фанатели от индийского кино.

Он достал вторую бутылку и открыл ее.

– Будьте здоровы! – объявил он, сделал небольшой глоток, и продолжил. – Сейчас я пишу о нуждающихся жителях нашего города. Бездомных, инвалидов, больных ну, в общем, об социально уязвимых.

– Бутылку откати, – прозвучал слева скрипучий голос.

Не поворачиваясь, Виру протянул пузырь. Женщина в порванной куртке жадно вырвала ее и тут же приложилась. Скатившаяся набок бейсболка, заляпанные штаны, бывшие когда-то джинсами, и опухшее нечистое лицо делали ее особо отталкивающей.

– Пожа ..., – успел только сказать Виру, как зашумело несколько протестующих голосов.

– Э, другим оставь! Хорош, Клякса! Морда треснет!

– Ты, это, не давай ей больше, – поддел дедок плечом молодого человека, – она, падла, все выжрет.

– Угу, – немного растерявшись, согласился Виру.

Затем продолжил:

– Ну, так вот. Хочу поговорить с вами о ваших проблемах. Что, или кто вас больше всего беспокоит? Что делаете, как живете?

Бомжи, молча передавали бутылку, допивая остатки водки. Когда пузыри опустели, отверженные снова принялись созерцать огонь в «толстухе». Откровенничать они не спешили. Виру не сдавался. Он деликатно подталкивал их на разговор.

– Вот вы, например, – он посмотрел на сухого бородатого старика. – Что сегодня ели?

– Филя буржуй, – ответил за него долговязый мужчина в пальто с надорванным рукавом. – Он у вокзального супермаркета харчуется.

Долговязый встал, взял ящик, на котором сидел, и придвинулся ближе к женщине с опухшим лицом.

– Просроченными продуктами, – догадался Виру.

– Нормальные харчи, – возмутился дедок.

– Конечно, – хмыкнул голос напротив, – лучше, чем детятиной?

– Детятиной? – переспросил блоггер.
– А то, – хмыкнул голос, и компания лениво засмеялась. – А, Филя? Супец ништяковый был?

– Да пошли вы, – пробубнил дед, но прозвучало это как: «Дпшлив».

– Что за суп? – осторожно спросил молодой человек, боясь спугнуть затрепетавший жизнью разговор.

– Хм, – усмехнулся голос напротив. – Короче, был у нас тут один. Коля Рыжий. Думали, беса гнал, а нет, в натуре псих. Из дурки амнистию сделал ...

– Неа. Не сбежал он, – перебил долговязый. – Выпустили его. Типа вылечили.

– Скисни, Дрыщь, – зло процедил голос. – Короче, прибился он к нам прошлым летом ...

– Не летом, – снова встрял долговязый, – осенью. Уже дожди зарядили. Я за магазином в контейнере шарился, смотрю, идет этот. Сам в рванье, а по телефону разговаривает. Деловой такой, мол, я все понял, команданте, говорит, спешу исполнить. Руками машет, расхаживает по площадке. Я ему мол, гнида, мобилу где нашел? В моем контейнере? Кати, говорю, мое барахлишко на бочку. Думаю, загоню Писаке в ломбард, а может на рынке толкну. А он:

– Как ты разговариваешь со старшим по званию? Ну-ка смирно! Распустились! Революция – не анархия!

– Какая революция? – говорю я, – Мобилу давай?

– Хорошо, – говорит Колька, а сам прищурился такой, взгляд не добрый. – На! Контра недобитая!

И тычет мне в лицо деревяшкой. Ну, таким вот небольшим обрубком. Плинтус, наверно.

– Поговори, – говорит, – с Че Геварой! Обосрешься!

Ну, думаю, все. Белка! Или кукушонок. Да какая разница. Плюнул на него пошел дальше, по маршруту. Там через палисадник, во двор. Ну, вы знаете. А он за мной. Спрятал типа свой телефон, тьфу, деревяшку в карман и крадется. Ну и пусть, думаю, что с него взять. Значит, прошел я через площадку и к бакам, а этот давай к детишкам ... Ну знаете, там детская площадка, ну новая ... Короче, подбегает к ребенку на качелях и орет:

– Дай сигару! Быстро!

К одному, к другому. Дети в плачь. Испугались. А то, такой жлобина вонючий и «Дай сигару». Мамаши повыскакивали, орут, ругают. А этот, ну, Колька, огрызается, кричит:

– Сигару для команданте!

Ну, думаю, сейчас делов наделает, вообще клапан перекроют. В этом дворе точно. Я его, короче, под руку, говорю:

– Идем, бродяга. Дам тебе сигару.

Ну и отвел его, в нычку. По дороге бычок нашел. Сел, полчаса нюхал, мол, вот это да! Настоящий кубинский табак!

Я с ним не скорешился, неа. Я сам по себе, он сам по себе. А один раз придурка в троллейбусе видел. Едет, деловой. Расселся на кресле, говнодавы даже снял. Ноги на поручень поднял, достал свою деревяшку и разговаривает с этим, как его ... Че Геварой. Другой рукой будто пишет. В общем, с виду безобидный, но переклинивало иногда и ... Короче.

Долговязый приподнялся на ящике и придвинулся еще ближе к женщине в бейсболке.

– Я с самого начала понял, не любил он детей. Каждый раз, когда по маршруту у школьных баков шустрил, видел его. После обеда, из столовки мусор выносят. Я значит, туда-сюда, а этот прячется за деревом в скверике у входа. Я как-то постоял рядом, послушал. А Колька в телефон свой, тьфу, деревяшку, бормочет:

– Тридцать пять с рюкзаками, пятнадцать с сумками. Офицеров не считал.

Я ему:

– Ты чего здесь?

А он палец к губам прижимает, типа, тихо, и шепчет:

– С рюкзаками самые опасные.

Псих. А потом, когда уже подмораживало по ночам, он к ним полез. Я не видел, что там, да как. Видел только, как малолетки за ним гнались. Камни кидали, орали: «Рыжий! Маньяк!» Клоуном звали. Почему?

А другой раз сидит на лавочке, смотрит. Когда ребенок на велике проезжает, достает деревяшку и говорит:

– Бронепоезд. Номерные знаки тридцать пять шестнадцать. Три орудия, шесть пулеметов.

Короче, глючило его по-полной. Однажды шнырялись вместе по школьным бакам, я его спрашиваю с подколкой:

– Сегодня малолеток будешь считать?

А он:

– Каких малолеток? Белогвардейцы враги революции. Душителы свободной Кубы!

Я ему:

– А зачем? Мол, мало других стран?

А он, такой:

– Сигары, товарищ. Контрреволюция погубит свободу, спалит сахарный тростник. Это и так понятно.

– И что? – спрашиваю.

– Ты, – говорит, – классово развращен. Видишь, – говорит, – в сигарах исключительно фаллический символ. А это антинародно. Даже политическим эгоизмом попахивает. Надо бы тебе с команданте поговорить.

И протягивает мне деревяшку.

Другой раз спрашиваю:

– А тебе там, что по телефону говорят?

А он опять прищурился, спрятал деревяшку в карман и шипит:

– А с какой целью интересуешься? За сколько проданся, Иуда?!

В общем, край с ним. А уж когда совершенно кукуха съехала, началось. Я когда это понял, сразу всем нашим сказал. Не поверили. А Коля Рыжий разошелся. Короче, вечером это было. Пацаны вокруг школы на великах гоняли. Стемнело уже. Я как обычно у бака шарился, за школой. Смотрю, рыжий в кустах, в том самом скверике. Притаился. Ждет. Малый один отбил от остальных. Остановился, то ли шнурок завязать, то ли на велике что-то подправить. А Коля, псих, выбежал, по голове чем-то тукнул, ну, малого, и потащил куда-то. Велик так и остался валяться перед школой. Ну, короче, хватились скоро. Родители видимо. Малого нет. Милиция приехала, люди ... Я, короче, свалил по-тихому, от греха подальше.

Потом, когда Рыжего встретил, спрашиваю, мол, что это было? А он:

– Врагов, – говорит, – надо давить.

– Ты, что, – говорю, – завалил что ли малого, дебил. Ты знаешь, что за это будет?

А он:

– Революция, – говорит, – не для белоручек. Хищники, – говорит, – в голодные времена, щенков своих тоже давят. Такова природа. И еще жиды какого-то приплел, это, – долговязый задумался, – город такой есть ... Вспомнил – Ницца.

– Ницше? – уточнил Виру.

– Да, точно, – согласился бомж, – он.

– Так он не еврей, – поправил его чей-то голос.

– Не важно, – нетерпеливо встрял Виру. Он не мог допустить бесконтрольный дрейф беседы.

– Да, не важно. Так вот, говорит, жид этот говорил мол, что упало, то еще и пнуть надо, и еще, это, мол, человек, то есть Коля, висит над пропастью, мол, он, этот, канат между зверем и суперменом. Псих, короче. Канат ...

Долговязый хрипло захохотал. Его поддержали все, кроме женщины с опухшим лицом. Она вытаращилась на него ничего не понимающими глазами.

– Ты расскажи лучше, что он со жмурами делал, – подбодрил рассказчика голос из-за «толстухи».

***

Снежана отложила телефон и придирчиво посмотрелась в зеркало. Вчерашние процедуры дали незначительный результат: кожа на щеках по-прежнему казалась дрябловатой, веки сохранили паутинки морщинок, а складка на лбу выделялась еще больше. «Сволочь, – подумала она зло о враче. – Им лишь бы денег срубить!» Само собой виноват был врач. Все эти фразы: «Снежаночка, вам двадцать четыре, и выглядите вы изумительно!» или «Природа еще не успела вас испортить. Все в порядке, идите домой, и продолжайте ослеплять нас своей красотой!» были банальными комплиментами. Она сама видела, природа, точнее роды изрядно испортили ее внешность.

Она скинула легкий шелковый халат, и медленно повернулась. Сначала влево, потом вправо. Зеркало не врало. «Да, – подумала она с сарказмом, – живот подровняла, а задница, как контрабас. И этот чертов апельсин!» Женщина с раздражением сжала пальцами кожу на бедре. Страхи и комплексы ослепляли ее. Любой мужчина, да и некоторые женщины, увидев ее сейчас, обнаженной, стройной как струна, с небольшой высокой грудью, аппетитными бедрами, готовы были на все, лишь бы поднять обворожительное тело на руки и отнести на широкую, неубранную кровать.

«Все-таки, не надо было рожать!» – решила Снежана. Она внимательнее присмотрелась к отражению, разглядывая бирюзовыми глазами собственное лицо. Без сомнений, лицо было красивым. «Да, – согласилась она с очевидным, – еще не все потерянно». Молодая женщина наклонилась к зеркалу и потрогала кожу на щеке. Затем на второй. Осмотрела брови. Вдохнула и с неохотой принялась готовиться к вечернему выходу. Розик пришлет водителя через три-четыре часа, а до прихода парикмахера оставалось всего два. Так что времени в обрез. Подбирая в ящике комода подходящее белье, продолжала с сожалением размышлять о своем «изуродованном» теле. «Нет, – думала она, – по-другому я бы его не удержала. Эта стерва в Испании просто так его не отпустит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.